

ОТЗЫВ
официального оппонента
доктора исторических наук Д.В. Лисейцева
на диссертацию О.В. Скобелкина «Западноевропейцы
на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в.»
на соискание учёной степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история,
представленную в диссертационный совет Д.212.038.12
при ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет».

Представленная на рассмотрение уважаемых членов Диссертационного совета и оппонентов работа Олега Владимировича Скобелкина посвящена рассмотрению статуса особой группы служилых людей в Московском государстве XVI – первой трети XVII в. – «служилых немцев» (так в административной практике того времени именовались принявшие российское подданство и поступившие на военную службу выходцы из стран Западной Европы). Нет нужды говорить, насколько значительную роль играли эти люди в деле транслирования на территорию Восточной Европы передового военно-технического опыта. Некоторым из них учёные обязаны появлением богатых фактами и любопытными оценками событий повествований о российской истории (достаточно вспомнить, например, сочинение Генриха Штадена, без обращения к которому не обходится ни один исследователь истории Опричнины, или труды Жака Маржерета и Конрада Буссова, представляющие собой ценные источники по истории Смутного времени начала XVII столетия).

Уже в силу этого не нуждается в особых доказательствах необходимость изучения состава находившихся на российской службе западноевропейцев, их социального и правового статуса и имущественного положения, служебного пути, взаимоотношений с властными структурами Московского государства. При несомненной важности данных вопросов приходится констатировать: до диссертационного исследования О.В. Скобелкина мы не имели в своём распо-

ряжении работы, которая бы с такой полнотой, убедительностью и фактографической точностью решала перечисленные выше научные проблемы. И это при том, что история «служилых немцев» в России имеет уже свою солидную историографию протяженностью в несколько десятилетий (что, кстати, блестяще показано в историографическом очерке диссертанта, выполненном с присущей ему как исследователю добросовестностью и уважением к трудам предшественников).

Чрезвычайно широк и богат диапазон источников, использованных автором в процессе написания диссертации. Это и уже давно известные учёным упомянутые выше сочинения иностранцев о России XVI – XVII вв., и, что особенно ценно – подлинные материалы приказного делопроизводства – поданные служилыми иноземцами челобитные, приказные выписки «на пример», сделанные по поводу прошений «немцев» подьячими, резолюции, вынесенные по ним царём и боярами, переписка между приказными учреждениями. Этот материал, как правило, разрозненный по различным архивным делам и фондам, зачастую плохой сохранности, тем не менее, составляет живую ткань повествования диссертационного исследования О.В. Скобелкина.

Жизнь «служилых немцев» в России прослеживается диссертантом в подробностях с момента их поступления на государеву службу и, порой, до гибели на поле боя. Автор рассматривает все основные источники поступления иноземцев на службу – целенаправленный их наём за границей, добровольный выезд в Россию по собственной инициативе, переход в российские войска из армий неприятеля, пленение. В подробностях в диссертации изложены вопросы пожалования иноземцев «за выход», за крещение в православную веру (что, фактически, означало и окончательное принятие русского подданства), за выдающиеся боевые заслуги. С не меньшей подробностью и точностью О.В. Скобелкин фиксирует и размеры «обыденного» жалования, получаемого служилыми иноземцами за службу: годового оклада, кормовых и фуражных денег (конский корм).

Отдельному анализу в диссертации подвергнут непростой вопрос этнической идентификации служилых иноземцев. Имеющиеся в нашем распоряжении источники далеко не всегда сохранили сведения о национальности принимаемых на российскую службу западноевропейцев, а за принятым в приказном делопроизводстве термином «немчин» могли скрываться представители самых разных европейских наций – англичане, шотландцы, ирландцы, итальянцы, французы, шведы, датчане, голландцы, равно как и собственно немцы, которые и составляли самую крупную этническую и языковую группу в среде принимаемых на российскую военную службу западноевропейцев. Разумеется, следует помнить, что западноевропейцев численно (и весьма существенно) превосходили выходцы из Речи Посполитой – поляки, «литвины» и «черкашене», что, впрочем, отмечено диссертантом в его работе.

Особый интерес у оппонента вызвала глава, посвящённая участию выходцев из Западной Европы в боевых действиях на территории Московского государства в XVI – первой трети XVII в. Как отмечает О.В. Скобелкин, российские власти стремились использовать «служилых немцев» преимущественно на южном театре военных действий, главным образом – при отражении татарских и ногайских набегов; в 1620-е гг. основным местом службы для них стали города Украинного разряда. Такой подход к организации службы западноевропейцев нельзя не признать целесообразным: использование «немцев» на западном направлении военных действий, против Речи Посполитой или Швеции, могло оказаться для них слишком тяжёлым испытанием на лояльность, тем более, что в подобных боевых столкновениях вчерашние наёмники европейских армий, а ныне подданные русского государя, могли столкнуться со вчерашними сослуживцами или соотечественниками. В силу чего испытание на политическую лояльность приобретало дополнительную остроту морального выбора. Но в период Смуты начала XVII в., когда военнополитическое положение московского правительства было стабильно тяжёлым, российским властям приходилось использовать «служилых немцев» в бо-

евых действиях уже без оглядки на прежние правила. Не исключено, что отчасти и этим объясняется служба заметного количества иноземцев Лжедмитрию II, равно как и относительно простой их переход под знамёна неприятелей Московского государства, как было, например, после Клушинской битвы 1610 г. Впрочем, Смутное время демонстрировало и противоположные примеры массового «выхода» иноземцев из вражеских армий в ряды российских войск, в частности – переход под московские знамёна «бельских немцев» в 1613 г. Вероятно, всё же определяющими факторами при решении вопроса о сохранении верности присяге для служилых иноземцев являлись «военная фортуна» борющихся сторон и щедрость потенциального нанимателя. В этом отношении используемая московским правительством практика наделения «немцев» поместьями давала дополнительные гарантии их верности Российскому государству.

Ввиду важности такой «привязки к земле» в деле обеспечения лояльности «служилых немцев», представляется необходимым небольшой комментарий относительно их землевладения. Диссертант приводит интересную статистику распределения поместного землевладения «немцев» по уездам. Наибольшее количество немцев было наделено поместьями в Костромском уезде – 23 человека по данным на 1625 г. (с. 357). Однако, кажется, далеко не все они были «немцами» в том значении, которое использует диссертант (западноевропейцы). В 1612 г. в Костромском уезде проживали 22 служилых иноземца (примерно столько же, что и в 1625 г.), но 12 из них совершенно чётко обозначены в документе как «литвины». Помимо них в Костромском уезде имели поместья один «угренин» (венгр) и один «греченин»; только семь человек из 22-х определены как «немчины»¹. Данный факт, кстати, добавляет информации о «немцах»-помещиках (О.В. Скобелкин указывает, что ему было известно лишь одно относящееся к эпохе Смуты упоминание о наличии у

¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 42. Ст. 1. Л. 39, 39а.

«немцев» поместий – в анонимном «Сообщении о кровавой и страшной резне...» (с. 353)).

Относительно денежного жалования «немцев» тоже необходимо существенное уточнение. Автор практически обошёл вниманием важный факт: некоторая часть служилых иноземцев получали жалование из четвертных приказов, т.е. являлись четвертчиками. Между тем эту информацию нельзя считать малоизвестной: в опубликованных Л.М. Сухотиным столетие назад кормлёных книгах начала XVII в. в числе четвертчиков Галицкой четверти, например, с окладом в 80 рублей записан знаменитый капитан Маржерет (и он был не единственным иноземцем-четвертчиком Галицкой чети)². Вообще же кормлёные книги четвертных приказов первой половины XVII в., к сожалению, диссертантом в его исследовании совершенно не используются. Между тем, в них удаётся обнаружить некоторых персонажей его диссертации (в частности, в кормлёной книге Галицкой четверти 1640/41 г. перечислены имена и оклады 26-ти служилых «немчинов» - немцев, французов, англичан, шотландцев и ирландцев)³.

Несколько частных замечаний могут быть высказаны относительно ранней истории приказа, выступавшей для служилых немцев в роли главной административно-контрольной инстанции – Панского или Иноземского приказа. Диссертант совершенно справедливо указывает на то, что данное ведомство впервые упоминается в трактате Дж. Флетчера, посетившего Москву в 1588 – 1589 гг. О.В. Скобелкин указывает также и на то, что название ведомства, переданное в русском переводе как «Иноземский приказ», в английском оригинале было дано как «*Prikaz Shishevoi Nemskii*». Исследователь предполагает, что название приказа англичанин воспроизвёл на слух вслед за произнесённым кем-то выражением «приказ Шишевой немецкий». Странное слово «Шишевой» О.В. Скобелкин склонен производить от старинного слова «шиш» – со-

² Сухотин Л.М. Четвертчики Смутного времени. С. 3.

³ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Галич. Кн. 9.

глядатай, доносчик, вор; т. е. «слова с ярко выраженной отрицательной семантикой». По предположению диссертанта, «русский информатор или подшутил над незнающим русского языка собеседником, или же в разговорной речи определённых кругов это, в общем-то, оскорбительное, определение закрепились в качестве второго названия Немецкого приказа» (с. 391). Мне представляется, что здесь имеет место недоразумение. Приказ, ведавший служилыми немцами, никто не называл «Шишевым». Вероятнее всего, мы имеем дело с ошибкой, возникшей при неправильном прочтении рукописного варианта названия приказа. Слово, переданное в издании трактата Флетчера как «Shishevoi», надо полагать, изначально было записано как «Slushevoi», но сочетание второй и третьей букв в слове – «lu» было ошибочно воспроизведено как «hi». Если это предположение верно, то российский информатор назвал интересующее нас ведомство «приказом Служилым немецким». Остаётся только гадать – сделана ли эта ошибка Флетчером, получившим записку о приказах от своего московского информатора, или же проблема возникла уже в типографии, когда набирали рукописный текст Флетчера.

Нельзя согласиться с предположением диссертанта о том, что в конце XVI в. ведомство, контролировавшее службу иноземцев, именовалось некоторое время Панским двором (с. 392). Действительно, в разрядных записях под 1596/97 г., равно как и в боярском списке 1598/99 г. упоминается Панский двор⁴. Однако повторённое О.В. Скобелкиным вслед за С.Н. Богатыревым утверждение о том, что в данном случае мы имеем дело с документальным подтверждением существования Панского приказа⁵, является ошибочным. Панским двором в XVI в. именовался двор, отведённый для пребывания на нём дипломатов и купцов, приезжающих из Польско-Литовского государства (Речи Посполитой). Аналогичные дворы в Москве были устроены для осо-

⁴ Разрядная книга 1475 – 1605 гг. Т. 3. Ч. III. М., 1989. С. 146; БС. Ч. I. С. 188, 191.

⁵ «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века // Исторический архив. 1995. № 3. С. 200. Прим. 28.

бенно часто прибывавших в столицу крымских и ногайских дипломатов; существовал в городе и Английский двор⁶. Замечу также, что наиболее древнее из известных мне упоминаний о Панском дворе относится к гораздо более раннему времени. В 1537 г. в Москву на переговоры прибыли послы из Великого княжества Литовского: «говорили послы о гостех, чтобы им торговати ослободили; и князь великой литовским гостем ослободил торговати на Панском дворе»⁷.

Отдельного анализа заслуживают рассуждения диссертанта относительно финансовой стороны деятельности Панского (Иноземского) и Разрядного приказов, из которых служилым иноземцам выплачивалось жалование. Рассматривая документы, освещающие процесс выплаты жалования иноземцам на исходе Смутного времени, О.В. Скобелкин указывает, что «в трудных финансовых условиях того времени» и Панский, и Разрядный приказ были вынуждены обращаться к средствам других приказных учреждений, в частности – приказа Сбора пятинных и запросных денег (с. 394, 404). Не знакомый с тонкостями российской финансовой системы XVII века читатель должен будет сделать вывод о том, что такая ситуация сложилась именно в силу «трудных финансовых условий» Смутного времени; в более стабильные десятилетия, следовательно, Иноземский и Разрядный приказы должны были платить жалование иноземцам из своих собственных средств. Однако такая трактовка была бы в корне неверной.

В диссертационном исследовании О.В. Скобелкина, к сожалению, не удаётся найти ответа на вопрос о том, в какую сумму обходилось казне годовое содержание служилых иноземцев в исследуемый им период. Однако, я думаю, что для конца изучаемого диссертантом хронологического отрезка более или менее применимы данные, полученные для рубежа 1630 – 1640-х гг., когда, по моим расчётам, содержание служилых иноземцев («немцев», «литвы» и «черкас») обходилось Московскому государству в довольно крупную сумму

⁶ Рогожин Н.М., Чистякова Е.В. Посольский приказ. // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 117.

⁷ Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 107.

– около 67 тыс. рублей (включая сюда как годовое жалованье, так и кормовые деньги, но не считая экстраординарных пожалований). Такой значительной суммой ни Иноземский, ни Разрядный приказ не располагали. Денежные сборы Разрядного приказа с подведомственных территорий в указанное время не превышали 9 тыс. рублей (из которых до Москвы доезжало порядка 6 тыс. рублей). Этих денег хватало на обеспечение собственных нужд Разрядного приказа, но не на уплату жалования служилым людям. Что же касается Иноземского приказа, то он своих собственных источников дохода не имел в принципе; его потребность в деньгах целиком обеспечивалась другими ведомствами (в частности, Новгородской и Устюжской четвертями и Печатным приказом). Таким образом, в том, что на исходе Смутного времени Иноземский приказ обращался в другие ведомства с запросами о перечислении денег на выплату жалования иноземцам, не было ничего экстраординарного: отмеченная О.В. Скобелкиным финансовая зависимость Иноземского приказа от других, более богатых деньгами учреждений, не была связана с обстоятельствами Смуты – напротив, такие запросы денег в других приказах были нормой в административно-финансовой практике Московского государства.

Диссертационное исследование О.В. Скобелкина не лишено отдельных недочётов и ошибок. Так, например, автор не вполне точен, когда сообщает, что бой у Арбатских ворот Москвы 1 октября 1618 г. «был последним сражением эпохи Смуты» (с. 259). Служилым людям Московского государства ещё пришлось на протяжении октября – ноября 1618 г. вести бои с польско-литовскими и запорожскими отрядами под Троице-Сергиевым монастырем, в Коломенском, Серпуховском, Боровском, Калужском, Переславль-Залесском, Ростовском, Ярославском уездах; последний бой с неприятелем в Костромском уезде, близ села Даниловского, произошёл 17 декабря 1618 г., через две с половиной недели после заключения Деулинского перемирия. Однако конечные выводы О.В. Скобелкина непротиворечиво вытекают из основного содержания работы: автор указывает на то, что «служилые немцы» – выходцы из стран Западной Европы – представляли собой особую, но вовсе не обособленную

группу служилых людей Московского государства (несмотря на то, что российское законодательство стремилось выделить иноземцев в отдельную военно-служилую группу, а также старалось обеспечить неприкосновенность их поместьев-вотчинного земельного фонда для представителей иных социальных групп). На протяжении двух столетий Россия устойчиво демонстрировала заинтересованность в привлечении на службу западноевропейских людей «воинского чина», которые нередко выступали в роли проводников новейшего военного опыта, приобретённого ими на полях сражений в Европе. Вместе с тем, как подчёркивает автор, широкое привлечение иноземцев на российскую военную службу не привело к формированию в России армии регулярного типа, поскольку служилые иноземцы сами достаточно быстро адаптировались к новым социально-экономическим и политическим реалиям; по статусу и способу несения службы они были близки к русским служилым людям по отечеству.

Поражает обилие информации о сотнях служилых людей, собранных учёным в процессе работы над диссертацией. Каждый, кто знаком со спецификой российского приказного делопроизводства в целом и, в частности, представляет себе степень сохранности источниковой базы для первой четверти XVII столетия, сразу увидит, какую кропотливую, практически ювелирную работу пришлось проделать автору. Нет ни малейшего сомнения и в том, что за богатейший справочный материал, содержащийся в приложениях к диссертации и собранный в таблицы, Олегу Владимировичу скажет слова благодарности не одно поколение исследователей, которые будут изучать историю России XVII века. Мне представляется, что О.В. Скобелкину стоит подумать в перспективе и о составлении отдельной книги о «служилых немцах» конца XVI – первой трети XVII в., в которой собранный им материал был бы представлен не в виде таблиц, а в качестве развёрнутого справочного издания в стиле «Дьяков и подьячих» С.Б. Веселовского.

Подводя итог сказанному, я прихожу к выводу о том, что диссертационное исследование О.В. Скобелкина является самостоятельной, актуальной работой, решающей важные научные вопросы и ликвидирующей значительную

лакуну в исследованиях по отечественной истории XVI – XVII вв. Я очень надеюсь на то, что уважаемые члены Диссертационного совета разделяют моё мнение и поддержат диссертацию Олега Владимировича, которая того вполне заслуживает. Отмеченные мною отдельные недочёты и высказанные замечания носят частный характер и ни коим образом не опровергают и не ставят под сомнение основных положений, вынесенных диссертантом на защиту. Научная значимость и актуальность решённых О.В. Скобелкиным исследовательских проблем не подлежит сомнению. Основные положения диссертации и исследовательские выводы отражены в автореферате и опубликованных работах, в том числе в изданиях, входящих в перечень ВАК. Представленное диссертационное исследование О.В. Скобелкина «Западноевропейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в.» отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения учёных степеней» ВАК РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история. Автор диссертации, безусловно, заслуживает присвоения ему искомой учёной степени доктора исторических наук.

(подпись)

Лисейцев Дмитрий Владимирович,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра истории русского феодализма
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института российской истории
Российской академии наук

117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Тел.: 8(903)540-66-72
e-mail: Liseitsev@mail.ru

